Паучиная Роза

Брюс Стерлинг

SHOUT
SHARE
IT

- Паучиная Роза
  -

Паучиная Роза

Паучиная Роза не чувствовала ничего, или почти ничего. Какие-то чувства – сгусток неясных двухсотлетних эмоций – сохранились, но и их она подавила внутримозговой инъекцией. От ее чувств осталось примерно то же, что остается от таракана после удара молотком.

Тараканы – единственные представители местной фауны на орбитальных колониях механистов – были старыми знакомыми Паучиной Розы. Эти сильные, плодовитые, легко приспосабливающиеся насекомые с самого начала заполонили космический корабль. Ситуация была безвыходной, и механистам пришлось использовать генетические технологии, украденные у своих соперников шейперов, чтобы превратить тараканов в цветастых домашних животных. Одним из любимцев Паучиной Розы был таракан длиной в фут, со сложным красно-желтым узором на блестящем хитине. Вцепившись в волосы, он сидел у Паучиной Розы на голове и пил пот с ее совершенного чела, но Роза ничего не замечала, ибо мысленно наблюдала за гостями.

Наблюдение велось с помощью восьми телескопов, и с них изображение поступало в мозг Паучиной Розы через расположенный в основании ее черепа нейрокристаллический датчик. Теперь у Розы, как и у ее символа – паука, было восемь глаз. Ушами ей служил слабо, но равномерно пульсирующий радар, настроенный на неизбежное искажение эфира – сигнал о появлении космического корабля Инвесторов.

Роза была умна. Она могла бы сойти с ума, но разумная психика, заданная химической основой ее контрольных программ, устанавливалась искусственно. Паучиной Розе это казалось совершенно естественным.

Это и было естественно – не для человеческого существа, а для двухсотлетней механистки, чьим жилищем была расположенная на орбите Урана паутинообразная космическая станция. Тело Паучиной Розы переполняли омолаживающие гормоны, лицо, словно только что вынутое из гипсовой формы, выглядело одновременно и старым, и молодым; длинные белые волосы ниспадали волной искусственно имплантированных фиброоптических нитей, с косых концов которых, словно мельчайшие драгоценные камни, стекали отблески света. Паучиная Роза была стара, но не думала об этом. Она была одинока, но подавила это чувство лекарствами. И она обладала сокровищем, настолько притягательным для Инвесторов, что эти рептилиеобразные инопланетяне готовы были отдать за него свои

глазные клыки.

В полиуглеродистой паутине широконатянутой грузовой сети, за которую она и получила такое имя, Роза хранила драгоценный камень размером с автобус.

Итак, не ведая усталости, она наблюдала за гостями. Ее мозг сообщался с оборудованием станции. Особого интереса Роза не испытывала, но в то же время и не скучала. Скука была опасна, ибо вела к неуравновешенности, зачастую фатальной в условиях космического жилища, когда раздражение или простая небрежность могли привести к смерти. Чтобы выжить, нужно было, подобно пауку, притаиться в центре ментальной паутины, по правилам эвклидовой геометрии выпустить во все стороны чистые нити рационализма и внимательно следить за малейшим подрагиванием непрошеных эмоций. Едва ощутив, что чувство путает нити, Паучиная Роза бросалась к нему, исследовала, тщательно пеленала, медленно и аккуратно пронзала паучьими клыками подкожной инъекции.

Вот и они. Ее восемь глаз, преодолев двести пятьдесят тысяч миль космического пространства, заметили корабль Инвесторов – волнистую сверкающую дорожку в небе. Корабль был оснащен нестандартными двигателями, поэтому вырабатываемая ими энергия не поддавалась обнаружению. Инвесторы тщательно охраняли секрет своих межзвездных полетов, и обе фракции – шейперы и механисты (за неимением лучшего термина все еще известные под неточным названием «человечество») – знали только, что межзвездные двигатели Инвесторов посылали длинные параболические искажающие лучи, вызывающие на звездном небе волновой эффект.

Паучиная Роза частично вышла из программы пассивного слежения и вновь почувствовала свое тело. Компьютерные сигналы приобрели приглушенный характер и по сравнению с ее природным зрением стали чем-то вроде отражения в оконном стекле. Легко касаясь клавиатуры компьютера, Роза навела на корабль Инвесторов коммуникационный лазер и отправила им информацию: деловое предложение. (Роза не решилась использовать радио – это было слишком рискованно: радиосигналы могли привлечь пиратов-шейперов, а ей и так пришлось убить трех из них.) Роза увидела, как корабль Инвесторов, нарушив все законы орбитальной динамики, резко остановился в космосе при угловом ускорении. Ее услышали. Паучиная Роза загрузила в компьютер программу-переводчик с языка Инвесторов. Она была составлена пятьдесят лет назад, но Инвесторы были устойчивой расой, не столько консервативной, сколько не заинтересованной в изменениях.

Подойдя к станции достаточно близко для звездных маневров, корабль Инвесторов выбросил в облаке газа солнечный парус. В него, как в подарочную бумагу, можно было бы завернуть небольшую луну, но тем не менее этот парус был тоньше воспоминания двухсотлетней давности. Несмотря на такую фантастическую призрачность, на парусе размещались фрески толщиною, с молекулу – в основном титанические сцены жульничества Инвесторов. К примеру, как хитроумные Инвесторы обвели вокруг пальца тонкокожих двуногих и легковерных пузырей – раздувшихся от сокровищ и водорода обитателей тяжелых планет; другие изображали увешанных драгоценностями и окруженных гаремом преданных мужских особей инвесторских маток в изысканно-роскошных облачениях над рядами инвесторских иероглифов высотой в милю на фоне нотного стана – так размечалась интонация и высота напевного языка чужаков.

Экран перед ней вспыхнул, и появилось изображение Инвестора. Паучиная Роза, отключившись от провода; изучающе посмотрела на его лицо: огромные стеклянные глаза, полускрытые мигательными мембранами, радужные перепонки за крошечными ушными отверстиями, шишковатая кожа и улыбка рептилии – каждый зуб величиной с гвоздь. Инвестор издавал какие-то звуки.

– Лейтенант корабля на связи, – перевел компьютер. – Лидия Мартинес?

– Да, – ответила Паучиная Роза, не упомянув, что имя ее изменилось. У нее было много имен.

– В прошлом мы выгодно сотрудничали с вашим супругом, – заинтересованно заметил Инвестор. – Как он поживает?

– Мой муж погиб тридцать лет назад, – ответила Паучиная Роза. Горе она уже давно подавила. – Его убили шейперские наемники.

Радужная перепонка Инвестора задрожала, но сообщение его не обеспокоило – Инвесторам не было свойственно беспокойство.

– Прискорбно для бизнеса, – сказал он. – А где драгоценность, про которую вы говорили?

– Приготовьтесь к приему информации, – сказала Паучиная Роза, коснулась клавиатуры, и на экране возникла тщательно разработанная торгово-рекламная программа. Передающий программу коммуникационный луч был защищен от вражеских локаторов.

Подобная удача приходит раз в жизни. Этот кристалл зародился на ледяном спутнике еще не сформировавшегося до конца Урана и в первые циклы неослабевающей вулканической активности дробился, плавился и перекристаллизовывался;

растрескивался по крайней мере четырежды, и каждый раз потоки минералов, насыщенные углеродом, силикатом марганца, бериллием, окисью алюминия, оказывались в зонах трещин под огромным давлением. Когда же сам спутник наконец вошел в знаменитые Кольца, отколовшийся от него огромный заледеневший осколок многие эоны дрейфовал в космосе, омывался волнами жесткой радиации, получал и терял заряды под действием причудливого электромагнитного мерцания, характерного для всех кольцевых образований. И вот несколько миллионов лет назад наступил критический момент: в осколок ударила мощнейшая молния, один из беззвучных и невидимых всплесков энергии, сбрасывающий заряды, накопленные за десятилетия. Почти вся внешняя оболочка осколка мгновенно преобразовалась в плазму, а оставшаяся часть изменилась. Минеральные включения превратились в нити и прожилки берилла, кое-где переходящего в рассеченные цепочками красных рубинов и пурпурных гранатов глыбы изумруда размером с инвесторскую голову. Местами виднелись оплавленные куски странно окрашенных алмазов. Такие алмазы образовывались только из металлического углерода. Даже сам лед стал чем-то необычайно уникальным, то есть исключительно ценным.

– Вы нас заинтересовали, – сказал Инвестор. Для его расы это означало крайнюю степень энтузиазма.

Паучиная Роза улыбнулась.

Лейтенант продолжал:

– Это необычный товар, и определить его стоимость нелегко. Мы предлагаем вам за него четверть миллиона гигаваттов.

– Энергия для работы и защиты станции у меня уже есть. Вы сделали мне очень щедрое предложение, но я все равно не смогу сохранить столько энергии, – ответила Паучиная Роза.

– Мы также передадим вам на хранение стабилизированную плазменную решетку. – Лейтенант явно рассчитывал, что столь неожиданная и невероятная щедрость убедит ее. О строении плазменных решеток человеческая наука не знала ничего, и, владея подобной редкостью, можно было на десять лет позабыть о скуке. Но плазменная решетка была совершенно не нужна Паучиной Розе.

– Это меня не интересует, – заявила она.

Перепонка Инвестора поднялась:

– Вас не интересует общегалактическая валюта?

– Нет, ведь я смогу ею пользоваться только при торговле с вами.

– Торговля с вашей расой – неблагодарное занятие, – поделился наблюдением Инвестор. – Тогда вам, вероятно, нужна

информация. Вы, молодые расы, всегда предпочитаете оплату технологиями. Мы располагаем рядом открытий шейперов, предназначенных их фракцией для торговли. Вас это интересует?

– Промышленный шпионаж? – предположила Роза. – С этим вам надо было обратиться ко мне лет восемьдесят назад. Нет уж, слишком я хорошо вас знаю, Инвесторов. А потом для поддержания баланса сил вы наверняка продадите шейперам несколько открытий механистов.

– Мы за конкурентный рынок, – подтвердил Инвестор. – Таким образом легче избежать затруднительных монопольных ситуаций. Например, сейчас мы столкнулись с одной из них.

– Мне не нужно влияние. Престиж для меня ничего не значит. Покажите лучше что-нибудь новенькое.

– Вы равнодушны к престижу? Что же подумают ваши товарищи?

– Я живу одна.

Инвестор прикрыл глаза мигательными мембранами.

– Вам удалось подавить в себе тягу к общению. Это зловещее достижение. Хорошо, попробуем другой путь. Что вы скажете об оружии? На определенных условиях по его использованию мы предоставим вам уникальное и очень мощное оружие.

– Мне хватает и своего.

– Вы можете рассчитывать на наши политические связи. Мы в силах повлиять на основные группировки шейперов и заключить с ними договор о вашей безопасности. Это займет от десяти до двадцати лет, и договор будет заключен.

– Это шейперам надо меня бояться, – поправила Паучиная Роза. – А не мне – их.

– Тогда мы предоставим вам новое жилище. – Инвестор был терпелив. – Из золота.

– Мне нравится мое нынешнее.

– Возможно, вас заинтересуют наши товары, – предложил Инвестор. – Приготовьтесь к приему информации.

Восемь часов Паучиная Роза не торопясь просматривала каталоги всевозможных товаров. С возрастом нетерпение оставило ее, а для Инвесторов торговля и торги были смыслом жизни.

Ей предлагались культуры многоцветных, вырабатывающих кислород водорослей и инопланетные духи; сверхфольга из сколлапсировавших атомов для обороны и защиты от радиации; редкие технологии по трансмутации нервных тканей в кристаллические образования; черная гладкая палочка – от ее прикосновения железо становилось настолько мягким, что его можно было мять в руках и придавать любую форму; небольшая

великолепно оборудованная подводная лодка из прозрачного металлического стекла, предназначенная для исследований аммониевых и метановых морей; самовосстанавливающиеся шары пейзажного кварца – по мере роста они имитировали рождение, развитие и смерть инопланетной цивилизации; миниатюрный аппарат для путешествий по земле, воздуху и воде – его можно было одеть и застегнуть на себе как костюм.

– Планеты меня не интересуют, – сказала Паучиная Роза. – Не люблю гравитационные колодцы.

– На определенных условиях мы можем предоставить вам гравитационный генератор, – пообещал Инвестор. – Подобно палочке и оружию, генератор будет надежно защищен от взлома и скорее одолжен вам, чем продан. Мы не можем допустить утечку информации по данной технологии.

– Нас и собственные-то технологии погубили, – пожала плечами Роза. – Даже с теми, что уже созданы, мы не можем справиться. Не думаю, что стоит обременять себя новыми.

– Мы продемонстрировали все товары, разрешенные для торговли с вашей расой, – подвел итог лейтенант. – У нас на корабле разнообразнейшие товары, предназначенные в основном для рас, обитающих при очень низкой температуре и очень высоком давлении. Есть и товары, которые, возможно, доставили бы вам огромное удовольствие, но оказались бы смертельными для вас… или для всего вашего вида. Например, литература (непереводимо).

– Инопланетный взгляд на жизнь я могу найти и в земной литературе, – сказала Роза.

– (Непереводимо) – это не совсем литература, – благожелательно разъяснил Инвестор. – Вообще-то это вирус.

На ее плечо спланировал таракан.

– Домашние животные! – воскликнул лейтенант. – Домашние животные! Вы их любите?

– Это единственная моя радость, – ответила Паучиная Роза, не мешая таракану покусывать фалангу ее большого пальца.

– Я должен был догадаться, – сказал Инвестор. – Будьте добры, подождите двенадцать часов.

Роза заснула. Потом проснулась и некоторое время изучала корабль инопланетян в телескоп. Все инвесторские корабли были декорированы фантастическими чеканными украшениями в виде голов зверей, металлических мозаик и горельефов с бытовыми сценками и надписями, среди которых выделялись входы в грузовые отсеки и точные приборы. Однако специалисты обнаружили, что под чеканкой форма корабля всегда была одинаковой: простая призма с шестью вытянутыми

прямоугольными гранями. Инвесторы старались тщательно скрыть эту закономерность; но тем не менее именно она и заставляла предполагать, что корабли были найдены, куплены или украдены у более разумной расы. Инвесторы с их эксцентричным отношением к науке и технике были явно не способны построить подобные корабли.

Когда лейтенант возобновил контакт, его мигательные мембраны выглядели бледнее обычного. В руках он держал маленькую крылатую рептилию с длинным зубчатым гребешком того же цвета, что и мембраны Инвесторов.

– Это Вынюхивающий Выгодные Сделки – талисман нашего командира. Мы все его очень любим, но приходится выбирать между потерей любимца и сохранением профессионального престижа. – Инвестор приласкал рептилию, и та крепко вцепилась чешуйчатыми лапками в его толстые конечности.

– Какой он… хорошенький, – вспомнила Роза давно забытое слово времен своего детства и поэтому неприязненно скривилась. – Но я не собираюсь менять свою находку на какую-то плотоядную ящерицу.

– А представьте, как тяжело нам, – пожаловался Инвестор. – Ведь мы обрекаем нашего малыша Вынюхивающего на прозябание в незнакомой среде, кишащей бактериями и гигантскими паразитами… Но делать нечего. Мы предлагаем взять нашего питомца к себе на семьсот плюс-минус пять ваших дней. На обратном пути мы заглянем к вам, и тогда вы решите, что оставляете у себя: нашего любимца или ваше сокровище. Взамен вы должны дать слово не продавать драгоценный камень и никому не говорить о его существовании.

– То есть вы оставляете мне своего любимца в качестве своеобразной гарантии.

Инвестор прикрыл глаза мембранами и приоткрыл шагреневые веки, что означало у представителей его расы глубокое огорчение.

– Он становится заложником из-за вашей жестокой нерешительности, Лидия Мартинес. Откровенно говоря, мы уверены, что во всей Солнечной системе вас может устроить только наш питомец, за исключением, возможно, какого-нибудь новейшего способа самоубийства.

Паучиная Роза была удивлена такой эмоциональностью Инвестора, прежде она с подобным не сталкивалась. Обычно Инвесторы придерживались отстраненного взгляда на жизнь, демонстрируя при случае своеобразное чувство юмора.

Роза наслаждалась ситуацией. Прошли те времена, когда стандартные товары Инвесторов могли ее соблазнить. По сути

Паучиная Роза меняла свое сокровище на чувство любопытства, на чувство более слабое и призрачное, чем искусственно подавляемые эмоции. Она хотела вновь ощутить интерес к жизни, занять себя хоть чем-нибудь, кроме бездушных камней и космоса, а предложение Инвесторов звучало очень уж интригующе.

– Хорошо, – согласилась Паучиная Роза. – Пусть будет так: семьсот плюс-минус пять дней и мое молчание.

Роза улыбнулась – за последние пять лет она ни разу не разговаривала с человеком, и такая ситуация ее вполне устраивала.

– Позаботьтесь о нашем Вынюхивающем Сделки, – полупросительно-полуугрожающе произнес Инвестор, постаравшись, чтобы компьютер уловил эти оттенки. – Если из-за какого-нибудь болезненного каприза вам не захочется оставлять малыша у себя, то мы заберем его обратно. Это очень ценное и редкое существо. Инструкции по кормлению и содержанию мы вам перешлем. Приготовьтесь к приему информации.

Инвесторы направили грузовой контейнер с существом в тугую полиуглеродистую «паутину» ее жилища. «Паутина» была натянута на основу из восьми радиальных спиц, скрепленных центробежной силой восьми капсул в форме слез. От удара грузового контейнера «паутина» красиво прогнулась, и восемь массивных металлических слез подтянулись ближе к ее центру. Сверкая под тусклым светом Солнца, «паутина» спружинила и ее вращение замедлилось, передав часть энергии на амортизацию удара. Подобная система стыковки была недорогой и эффективной, ибо контролировать вращение оказалось гораздо проще, чем осуществлять маневры.

Обслуживающие роботы с крючками на ногах, быстро скользнув по полиуглеродистым нитям, магнитными щупальцами и зажимами схватили контейнер. Звеньевым роботом управляла сама Паучиная Роза, и органами чувств ей служили его щупальцы и камеры. Роботы быстро перенесли контейнер в грузовой отсеки, вытащив содержимое, прикрепили к нему небольшую ракету для отправки обратно на корабль Инвесторов.

Ракета вскоре вернулась, корабль Инвесторов улетел, а роботы отправились в ангары и отключились до следующего подрагивания «паутины».

Паучиная Роза прервала связь с роботами и открыла грузовой отсек. Существо влетело в помещение. По сравнению с инвесторским лейтенантом оно казалось миниатюрным, но Инвесторы были очень крупными. Существо доставало Розе до колена и весило, по всей видимости, фунтов двадцать. То теряя, то набирая высоту и музыкально посапывая в незнакомой

атмосфере, оно облетело комнату.

От стены отделился таракан и взлетел, громко треща крыльями. Существо с криком ужаса ударилось о потолок и принялось уморительно ощупывать свои конечности в поисках повреждений. Глаза его было полуприкрыты загрубевшими веками. Словно глаза детеныша-Инвестора, внезапно пришло в голову Паучиной Розе, хотя она никогда, как, вероятно, и остальные люди ее расы, не видела маленьких Инвесторов. Ей вспомнилось, как много-много лет назад она слышала что-то о детях и домашних животных – про их большие головы, огромные глаза, про их уязвимость и зависимость. Еще она вспомнила, как презрительно посмеялась над идеей, что какая-то глупая зависимость, к примеру, «собаки» или «кошки» может соперничать с чистотой, экономичностью и спокойным нравом таракана.

Любимец Инвесторов пришел в себя, скорчился на ковре из водорослей и, стоя на коленях, что-то щебетал. На его маленьком, похожем на морду дракона в миниатюре личике застыла хитроватая гримаска, полуприкрытые глаза смотрели настороженно, спичечные ребра поднимались и опускались в такт дыханию. Зрачки его были расширены. Наверное, свет кажется ему слишком тусклым, подумала Паучиная Роза, ведь осветительные приборы на корабле Инвесторов были подобием ультрафиолетовых дуговых ламп, которые лучились голубым светом.

– Надо придумать тебе новое имя, – сказала Паучиная Роза. – По-инвесторски я не говорю, так что твое старое не годится.

Существо дружелюбно посмотрело на нее и встряхнуло длинными полупрозрачными висячими ушами, прикрывающими крошечные слуховые отверстия. У самих Инвесторов таких ушей не было, и это отклонение от нормы очаровало Паучиную Розу, ведь в остальном, не считая крыльев, существо было слишком похоже на маленького Инвестора. От такого сходства бросали в дрожь.

– Я назову тебя Пушок, – сказала Паучиная Роза.

Существо было безволосым, и эту шутку понимала только она сама. Впрочем, все ее шутки отличались именно этим.

Существо затопало по полу. Искусственная центробежная гравитация тоже отличалась от той, к которой он привык дома, – она была меньше гравитации, используемой массивными Инвесторами. Существо обхватило лапками голую ногу новой хозяйки и лизнуло ее колено грубым шершавым языком. Паучиная Роза встревожилась, но все же выдавила смешок – она знала, что Инвесторы были абсолютно не агрессивной расой, и их

любимец не мог быть опасен.

Он взволнованно запищал и по сверкающим оптическим нитям вскарабкался ей на голову. Паучиная Роза села к компьютеру и запросила информацию о содержании и кормлении нового питомца.

Инвесторы явно не собирались продавать своего любимца – разобрать инструкции было практически невозможно, они напоминали вторичный перевод с еще более инопланетного, чем инвесторский, языка. Но все же верные себе Инвесторы обратили особое внимание на жизненно важные моменты.

Паучиная Роза расслабилась. Судя по всему, существо было готово есть все что угодно, хотя предпочитало правовращающие протеины и нуждалось в некоторых легкодоступных микроэлементах; оно отличалось чрезвычайной токсиноустойчивостью и не имело кишечной флоры (как, впрочем, и сами Инвесторы; расы, имеющие кишечную флору, считались у них дикарями).

Роза поинтересовалась, чем оно дышит, и тут существо спрыгнуло с ее головы и пронеслось по клавиатуре, чуть не стерев всю программу. Она прогнала его и попыталась отыскать хотя бы что-то понятное среди десятков инопланетных диаграмм и запутанной технической информации. Внезапно Паучиная Роза заметила нечто, знакомое ей по многолетнему опыту промышленного шпионажа: генетическую схему.

Паучииая Роза нахмурилась. Вероятно, она пропустила важные пункты по уходу и в итоге сразу перескочила на научную информацию. Просмотрев первые абзацы, она наткнулась на трехмерное изображение невероятно сложной генетической конструкции с длинными спиральными цепочками инопланетных генов, обозначенных фантастическими цветами. Генетические цепочки обвивали длинные спиральные иглы, лучеобразно расходящиеся от плотного центрального пучка. Другая группа тугозакрученных спиральных цепочек соединяла иглы между собой. Судя по узлам соединения, эти цепочки придавали реактивную способность отдельным составляющим генетического материала. Паучиная Роза поняла это, заметив ореолы цепочек служебных протеинов, ответвляющихся от некоторых активированных генов.

Паучиная Роза улыбнулась. Несомненно, искусный генетик-шейпер сумел бы извлечь огромные выгоды из всех этих схем. Ее забавляла мысль о том, что этого никогда не случится. Перед ней была явно какая-то сложная производственно-генетическая система инопланетного происхождения, ибо она содержала гораздо больше генетических ресурсов, чем требовалось любому

живому существу.

Паучиная Роза знала, что сами Инвесторы никогда не экспериментируют в области генетики, и гадала, какая же из известных девятнадцати разумных рас создала такую систему. Возможно, ее истоки находились вне зоны экономической активности Инвесторов, а возможно, она осталась от одной из вымерших рас.

Роза сомневалась, не стоит ли стереть информацию. В случае ее смерти данные могли попасть в плохие руки. Мысли о собственной смерти вызвали первые тревожные признаки глубокой депрессии. Роза минуту размышляла, позволив этому яркому ощущению окрепнуть. Инвесторам не следовало оставлять ей эти данные, вероятно, они недооценили способности вкрадчивых и обаятельных шейперов-генетиков с их искусственно стимулированным предельно высоким коэффициентом интеллекта.

В голове у нее шумело. На мгновение эмоции вырвались на свободу с яростью окруженных воинов. Паучиная Роза почувствовала болезненную зависть к Инвесторам – презрительные и уверенные в себе, они могли путешествовать среди звезд, наживаясь на так называемых «низших расах». Ей хотелось подняться на борт волшебного корабля, улететь с ними на много световых лет подальше от человеческих слабостей и ощутить лучи инопланетного солнца на своей коже. Ей хотелось кричать и вновь почувствовать себя той девчонкой, которая сто девяносто три года назад, катаясь на каботажном судне у побережья Лос-Анджелеса, кричала просто от восторга. Такое всепоглощающее чувство она испытывала лишь в объятиях мужа, погибшего 30 лет назад. Погибшего... Тридцать лет...

Трясущимися руками Паучиная Роза открыла ящик под приборной панелью и вдохнула легкий озонистый запах медицинского стерилизатора. Неловко откинув сверкающие волосы с пластиковой вены на виске, Роза ввела в нее шприц, нажала раз, сомкнула веки, нажала второй раз, отложила шприц, с остекленевшими глазами перезарядила его и убрала обратно в ящик.

Роза поднесла к глазам склянку и отсутствующе на нее посмотрела. Склянка была почти полной, значит, синтезировать новую порцию лекарства придется не раньше чем через несколько месяцев. Как всегда после инъекции, ощущение было такое, словно на ее мозг кто-то наступил. Она сохранила информацию Инвесторов и рассеянно занесла ее в дальний уголок памяти. Существо, сидящее на панели лазерного управления, что-то коротко пропело и принялось чистить крыло. Вскоре Паучиная

Роза пришла в себя, улыбнулась – она привыкла к этим внезапным выплескам эмоций – и приняла таблетку транквилизатора, чтобы унять дрожь в руках, а затем нейтрализующую капсулу, чтобы уменьшить нагрузку на желудок.

Потом она поиграла с существом, пока то в изнеможении не заснуло. Четыре дня Роза заботливо кормила питомца, опасаясь перекормить: как и его прототипы Инвесторы, существо было жадным и могло себе навредить. Несмотря на шероховатую кожу и вялость, малыш уже нравился Розе. Устав выпрашивать пищу, он часами играл с бантиком на нитке или сидел у нее на голове, уставившись в экран и наблюдая за тем, как хозяйка управляет роботами-горнорабочими в зоне Колец. На пятый день, проснувшись, Паучиная Роза обнаружила, что ее питомец прикончил и сожрал четырех самых крупных и жирных тараканов. Даже не стараясь подавить переполнявший ее праведный гнев, Роза обошла всю станцию в поисках существа. Самого питомца она не нашла, но в ванной обнаружила клинообразный кокон его размера.

Похоже, существо впало в спячку. Роза простила ему тараканов. Они, в конце концов, имелись в избытке и к тому же соперничали с ним в борьбе за привязанность хозяйки, так что в некотором роде это происшествие ей льстило, но острое беспокойство было сильнее. Она тщательно изучила кокон: он состоял из перекрывающих друг друга внахлест широких полос какого-то хрупкого полупрозрачного вещества – засохшая слизь? – легко крошащегося под ее ногтями. Кокон не был идеально ровным, небольшие едва заметные выступы могли быть коленями и локтями существа. Роза снова сделала себе внутримозговую инъекцию.

Неделю, пока существо находилось в спячке, она провела в непрерывной тревоге и тщательнейшим образом, часами, изучала данные Инвесторов, но для ее скромных познаний они были слишком запутанными. По крайней мере было ясно, что существо не умерло: кокон был теплым и иногда шевелился.

Паучиная Роза спала, когда существо начало выбираться из кокона. Заранее запрограммированные мониторы предупредили ее, и по первому же сигналу она поспешила к кокону.

Он раскалывался. По перекручивающимся хрупким слоям пошла трещина, и воздух ванной наполнился теплым запахом животного.

Затем появилась лапа: маленькая лапка с пятью пальцами, покрытая блестящим мехом. Потом проклюнулась вторая, обе лапы схватились за края трещины и разломили кокон. Существо, откинув остатки кокона, человеческой шаркающей походкой

выступило на свет и ухмыльнулось.

Оно было похоже на небольшую обезьянку: миниатюрное, мягкое и блестящее. За раздвинутыми в улыбке тонкими человеческими губами виднелись крошечные человеческие зубы. Его крепкие упругие ножки заканчивались маленькими нежными младенческими стопами. Крылья исчезли. Глаза были того же цвета, что и ее глаза. На круглом личике с кожей млекопитающего играл здоровый румянец.

Существо подпрыгнуло, и Паучиная Роза увидела, как вибрирует его розовый язычок, выговаривая слоги человеческой речи.

Оно прыгнуло и обхватило лапками ее ногу. Паучиная Роза почувствовала страх, удивление, огромное облегчение и погладила мягкий красивый блестящий мех на его круглой головке.

– Пушок, – сказала она. – Я рада. Я так рада.

– Ва-ва-ва, – забормотало существо детским срывающимся голоском, копируя ее интонацию, прыгнуло к остаткам кокона и, оскалив зубы, принялось жадно его уплетать.

Теперь Паучиная Роза поняла, почему Инвесторы с такой неохотой расстались со своим талисманом. Это был поистине бесценный товар – генетический комплекс, улавливающий желания и потребности любой расы и приспосабливающийся к ним в считанные дни.

Сейчас она удивлялась, как Инвесторы вообще могли его ей отдать, если полностью осознавали возможности своего питомца. Паучиная Роза очень сомневалась в том, что Инвесторы разобрались в сложной информации, прилагавшейся к существу. Возможно, команда корабля получила своего Любимца от других Инвесторов, уже в форме рептилии. И существовала вероятность (от этой мысли у нее мурашки побежали по коже), что существо было старше всей расы Инвесторов.

Паучиная Роза вгляделась в своего питомца, в его чистые, добрые, доверчивые глаза. Маленькими теплыми сильными ручками он ухватил ее за пальцы. Не в силах противиться, Паучиная Роза прижала его к груди, и он захлебнулся от восторга. Да, возможно, это существо жило уже сотни или тысячи лет, согревая любовью (или похожим чувством) самые разные расы.

И, конечно, никто не причинял ему зла. Даже у самых ожесточенных и озлобленных представителей ее расы были тайные слабости. Паучиная Роза вспомнила рассказы об охранниках концлагерей, которые бесстрастно расправлялись с мужчинами и женщинами и при этом заботливо кормили зимой голодных птиц. Страх порождает страх и ненависть, но кто мог

бояться или ненавидеть это существо, равно как и противиться его волшебному очарованию?

Оно было неразумным – в разуме оно не нуждалось – и бесполым. Способность размножаться обесценила бы его как товар. К тому же Паучиная Роза сомневалась, что такой сложный организм мог зародиться в утробе. Его гены надо было построить цепочка за цепочкой в какой-то невероятной лаборатории.

Проходили дни и недели. Способность существа улавливать малейшие оттенки настроения хозяйки казалась поистине чудесной. Оно всегда было рядом с Паучиной Розой, когда той хотелось этого, и наоборот. Иногда Роза замечала, как оно, странно кувыркаясь и подпрыгивая, что-то бормотало, словно разговаривало с самим собой, или охотилось и поедало тараканов. Существо не доставляло никаких хлопот и, случайно разлив или опрокинув что-нибудь, всегда незаметно убирало за собой. Его экскременты ничем не пахли, и существо пользовалось тем же туалетом, что и Паучиная Роза.

От неразумного животного его отличали только эти особенности поведения. Однажды, только однажды, оно слово в слово повторило предложение, сказанное Паучиной Розой, но немедленно уловило ее реакцию – неприятное удивление – и больше никогда не пыталось копировать человеческую речь.

Спали они в одной постели. Иногда во сне Паучиная Роза чувствовала, как существо обнюхивает ее кожу теплым носом, словно стараясь сквозь поры уловить искусственно подавленные чувства и эмоции. Нередко оно прижимало свои крепкие ручки к шее или позвоночнику Паучиной Розы, терлось о них, и тогда ее затекшие мускулы благодарно расслаблялись. Днем Паучиная Роза этого не допускала, но ночью, когда сон ослаблял самодисциплину, они становились ближе.

Со дня отлета инвесторского корабля прошло уже шестьсот дней. Паучиная Роза смеялась при мысли о предстоящей выгодной сделке.

Собственный смех ее уже не пугал. Она даже уменьшила дозы нейролептиков и депрессантов. Ее питомец был счастлив, когда она чувствовала себя счастливой, и ей в его присутствии было легче переживать свою застарелую грусть. Прижимая к груди своего любимца, роняя слезы исцеления в его сверкающий мех, Паучиная Роза понемногу научилась без страха думать о былых горестях и несчастьях. Она плакала и раскачивалась, а питомец слизывал ее слезы, пробуя на вкус химикаты эмоций и принюхивался к дыханию и коже хозяйки, крепко обнимая ее. Паучиная Роза чувствовала себя старой, ужасно старой, но какое-то дотоле неизвестное чувство целостности помогало переносить

это. Ее прошлое было бурным и жестоким, а с мучительным чувством вины она так и не смогла справиться и поэтому искусственно подавляла его.

Впервые за последние десятилетия впереди у Паучиной Розы появилась смутная цель. Ей хотелось снова увидеть людей – десятки, сотни людей; ей хотелось, чтобы они восхищались ею, защищали ее, ценили, а она бы любила их, ведь с ними она была бы в большей безопасности, чем вдвоем со своим питомцем...

Ее паучиная станция вошла в самую опасную зону своей орбиты – в область пересечения с плоскостью Колец. Паучиная Роза, была постоянно занята, собирала дрейфующие в космосе осколки сырья: лед, углеродистые хондриты, железные руды – все, что находили и отправляли на станцию роботы-геологоразведчики. В районе Колец обитали бандиты: ненасытные космические пираты или сошедшие с ума колонисты, всегда готовые нанести удар.

На своей орбите вне плоскости эклиптики станция была в безопасности. Но здесь Паучиной Розе приходилось руководить работами и расходовать запасы энергии, к тому же горнодобывающие и транспортные механизмы оставляли на астероидах предательские следы. Избежать риска было невозможно. Даже самое совершенное жилище не может быть полностью замкнутой системой, а станция Паучиной Розы была стара и обширна.

Они нашли ее.

Три корабля. Паучиная Роза попыталась их отпугнуть, послав с радиоуправляемым маяком обычный запрет на приближение. Они нашли маяк и уничтожили его, тем самым обнаружив свое местонахождение и обеспечив ее путаной информацией, зафиксированной несовершенными сенсорами маяка.

Корабли были глянцевые, радужно переливающиеся, полуметалл-полуорганика, в форме капсул с длинными перепончатыми солнечными крыльями. Крылья были тоньше нефтяной пленки на воде. Это были корабли шейперов, облепленные со всех сторон куполами сенсоров, иглами магнитного и оптического оружия, длинными грузовыми щупальцами, сложенными наподобие лапок богомола.

Роза сидела, полностью подключившись к своим датчикам, и впитывала мерный поток информации: расположение, направление возможного удара, Количество оружия на борту. Использовать радар было слишком рискованно, и Роза следила за шейперами с помощью оптических приборов. С этих позиций можно было нанести лазерный удар, но лазеры были не самым

сильным ее оружием. Один корабль она, возможно, и подбила бы, но тогда откроют огонь остальные два. Разумнее было затаиться, пока они прочесывали Кольца. Паучиная Роза осторожно вывела станцию из зоны эклиптики.

Но шейперы все же ее обнаружили, и Паучиная Роза увидела, как их корабли свернули снасти и включили ионные двигатели.

С корабля шли радиосигналы. Избегая дополнительной нагрузки на мозг, Паучиная Роза вывела их на дисплей. На экране возникло лицо шейпера, чья личность была создана на основе цепочек восточных генов: прямые волосы цвета воронова крыла, драгоценные заколки, темные глаза, тонко изогнутые черные брови, бледные губы, едва тронутые приятной улыбкой; гладкое, чисто выбритое лицо с блестящими безвозрастными глазами лунатика – лицо актера.

– Джейд Первый, – сказала Паучиная Роза.

– Полковник-доктор Джейд Первый, – поправил шейпер, продемонстрировав золотые знаки отличия на воротничке черной военной туники. – А ты все еще называешь себя «Паучиной Розой», Лидия? Или уже выкинула эту чушь из головы?

– Почему ты солдат, а не труп?

– Времена меняются, Паучиха. Блестящая молодежь исчезает, погубленная твоими старыми дружками, а тем из нас, кто строит планы на годы вперед, приходится платить старые долги. Помнишь старые долги, Паучиха?

– Что, Первый, думаешь на этот раз уцелеешь, верно? – Паучиная Роза почувствовала, что ее лицо перекосилось от жгучей ненависти; подавить это чувство не было времени. – Три корабля, укомплектованные только твоими клонами. Сколько лет ты скрывался за ними, словно червяк в яблоке? Все клонировался и клонировался. Когда ты последний раз касался женщины с ее согласия?

Его вечная улыбка сменилась злобным оскалом, обнажившим сверкающие зубы:

– У тебя нет выхода, Паучиха. Ты убивала меня уже тридцать семь раз, а я все возвращаюсь и возвращаюсь, так ведь? И что, черт побери, значит «червяк», а, ты, жалкая старая сука? Или это что-то вроде мутанта у тебя на плече?

Паучиная Роза не знала, что существо рядом, и ее сердце пронзила молния страха за жизнь любимца.

– Вы подошли слишком близко к моей станции.

– Так стреляй в нас, старая идиотка, стреляй!

– Ты не он, – внезапно сказала Паучиная Роза. – Ты не первый Джейд! Ха! Он сдох, не так ли?

Лицо клона перекосилось от ярости. Вспыхнули лазеры, и

треть станции Паучиной Розы превратилась в лаву и клубы металлической плазмы. Три плавящихся телескопа послали в ее мозг последние обжигающие сигналы, и она ощутила вспышку невыносимого света.

Магнитная пушка Розы выпустила очередь тяжелых железных болванок. Со скоростью четыреста миль в секунду они изрешетили первый вражеский корабль, и из него повалили клубы воздуха и пара.

Два оставшихся корабля открыли огонь. Их оружие было совершенно неизвестно Паучиной Розе – подобно удару гигантского кулака, оно поразило две секции ее станции. От удара паутина накренилась и потеряла равновесие. Паучиная Роза мгновенно проверила оставшееся оружие и нанесла ответный удар металлическими капсулами аммиачного льда. Они прошили полуорганические бока второго корабля шейперов. Крошечные пробоины мгновенно затянулись, но вся команда погибла в считанные секунды: аммиак испарился внутри корабля, выделяя примешанные к нему нервно-паралитические яды, смерть от которых наступала мгновенно.

У последнего корабля был один шанс из трех поразить ее центр управления. Двухсотлетняя удача оставила Паучиную Розу. Электрический заряд ужалил ее руки, лежащие да клавиатуре. Свет на станции вырубило, компьютер был полностью выведен из строя. Паучиная Роза кричала в ожидании прихода смерти.

Смерть все не приходила.

К горлу подступила тошнота, Паучиная Роза открыла ящик и в темноте ввела в мозг нейролептик. Тяжесть в голове прошла. Искусственно подавив панику, тяжело дыша, Паучиная Роза снова села к панели управления.

– Электромагнитный импульс, – заключила она. – Теперь у нас нет ни капли энергии.

Существо что-то пробормотало.

– Если бы мог, Первый нас бы уже прикончил, – сказала ему Паучиная Роза. – Скорее всего, его достали защитные системы уцелевших секций.

Существо, трясясь от страха, мягко прыгнуло ей на руки. Паучиная Роза рассеянно обняла своего питомца и погладила его тонкую шею.

– Давай-ка посмотрим, – сказала она в темноте. – Ядовитый лед на нуле, я его весь израсходовала. – Она сбросила с шеи ставший уже ненужным электрошнур и скинула промокшую от пота тунику. – Значит, это был душ – такое милое густое облако ионизированной меди. У Первого все сенсоры полетели, так что он теперь, как и мы, ведет свой металлический гроб вслепую. –

Она рассмеялась: – Только у старушки Розы осталась в запасе неразыгранная карта, малыш. Инвесторы. Они будут меня искать. А его искать некому. И я все еще при камушке.

Паучиная Роза сидела неподвижно, искусственное спокойствие позволяло думать о немыслимом. Существо нервно вертелось, принюхиваясь к ее коже. Ласки немного его успокоили – Паучиная Роза не хотела, чтобы питомец страдал.

Свободной рукой она зажала рот существа и надавила на его шею. Она сломалась. Благодаря гравитационной центрифуге Паучиная Роза была все еще сильна, и ее питомец не успел защититься. По его членам пробежала последняя судорога. Роза в темноте прижала его к груди, нащупывая сердце, и ее пальцы ощутили последнее биение за хрупкими ребрами.

– Слишком мало кислорода, – произнесла она вслух. Подавленные эмоции попытались прорваться, но не смогли. У нее еще осталось достаточно депрессантов. – Ковер из водорослей будет очищать воздух несколько недель, но скоро погибнет без света. Есть его нельзя. Слишком мало еды, малыш. Сады погибли, но даже если бы они уцелели, мы бы все равно остались без пищи. Я не могу управлять роботами. Не могу даже открыть шлюзы. Если я протяну достаточно долго, они вернутся и выкурят меня. Надо упрочить свои позиции. Это разумно. В таком состоянии я способна только на разумные действия.

Когда кончились тараканы, по крайней мере те, которых удалось поймать в темноте, Паучиная Роза долго постилась, а потом съела неразлагающуюся тушку своего любимца, даже в своем оцепенении надеясь, что отравится.

Увидев ярко-синие огни инвесторского корабля, проникающие сквозь покореженный шлюз, Паучиная Роза отползла на исхудавших локтях и коленях и закрыла лицо руками от нестерпимого сияния.

Инвестор был в антибактериальном скафандре. Он не чувствовал запаха ее темного склепа, и Паучиная Роза этому только радовалась. Он затворил с ней на своем музыкальном языке, но программа-переводчик была разрушена.

Тогда Паучиная Роза подумала, что Инвесторы оставят ее на станции – изголодавшуюся, ослепшую и полулысую, в паутине выпадающих синтетических волос. Однако они взяли ее на борт, накачав болезненными антисептиками и облучив кожу антибактериальным ультрафиолетом.

Сокровище Инвесторы уже забрали, она знала об этом. Но они еще хотели выяснить (что было крайне сложно) судьбу своего любимца. Понять их жесты и обрывки человеческой лексики было почти невозможно Паучиная Роза чувствовала, что чем-то себе

навредила. Передозировки в темноте. Борьба во мраке с огромным темным жуком страха, разорвавшим хрупкие нити ее паутины. Ей было очень плохо. Из-за недоедания ее живот стал тугим, как барабан, на легкие словно что-то давило, все кости ныли. Не удавалось даже заплакать.

Инвесторы не оставляли Паучиную Розу в покое. Ей хотелось умереть. Ей хотелось, чтобы они любили ее и заботились о ней. Ей хотелось...

Горло перехватывало, и говорить она не могла. Голова сдвинулась назад, а глаза уменьшились под обжигающим светом иллюминации. Ее челюсти безболезненно вытягивались, было слышно, как они потрескивают.

Дыхание остановилось. Стало даже легче. Горло пульсировало, и рот наполнился жидкостью. С губ и из ноздрей по лицу текла живая белая слизь, пощипывая кожу, исцеляя и успокаивая глаза. Прозрачная жидкость окутывала ее волна за волной, стекала по коже, покрывала тело. Паучиная Роза почувствовала прохладу и усталость; она расслабилась, испытывая сонную благодарность. Есть не хотелось – у нее было много лишней массы.

Через восемь дней она разломила хрупкие пласты своего кокона и, неуверенно взмахивая чешуйчатыми крыльями, полетела навстречу новым привязанностям.